

В. В. Огарков

**В. А. Жуковский. Его жизнь и
литературная деятельность**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В. В. Огарков
В11 В. А. Жуковский. Его жизнь и литературная деятельность / В. В. Огарков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 66 с.

ISBN 978-5-4241-2931-5

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2931-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В. В. Огарков, 2021

В. В. Огарков
В. А. Жуковский. Его жизнь и
литературная деятельность
Биографический очерк
с портретом В. А. Жуковского,
гравированным в Лейпциге
Геданом

Глава I. Ранние годы

Светлая личность Жуковского. – Его рождение. – Турчанка Сальха и Бунин. – Раздор и примирение Буниных. – Васенька – любимец семьи. – Помещицья жизнь в прошлом. – Феодалы и вассалы. – Обстановка, окружавшая Жуковского в детстве. – «Родимые поля». – Среди женщин и девочек. – Молодое и восторженное общество Мишенского. – Первые опыты учения. – «Вральман». – Пансион Роде. – Народное училище. – Дом Юшковых в Туле. – Первый опыт в драматургии. – Симпатичная наружность поэта. – Его военные похождения. – Поездка в Петербург. – Зимний дворец. – Жуковского определяют в Благородный пансион в Москву

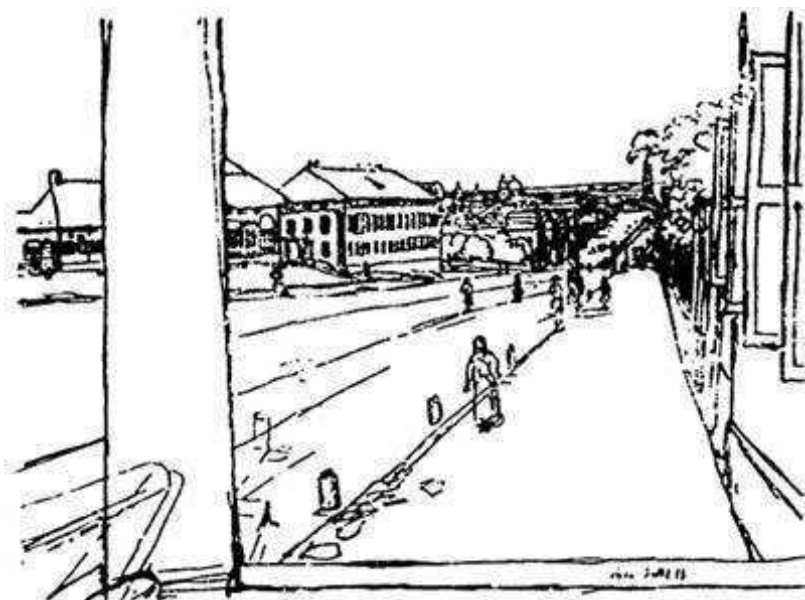
Есть такие имена в литературе, которые, сияя кротким лучезарным светом, привлекают к себе всех и редко в ком способны возбуждать отрицательные чувства. Чем-то мирным, поэтическим веет от носителей этих имен; при воспоминании о них смолкает злоба и верится в добро, счастье и красоту.

Одно из таких симпатичных имен в русской литературе – Жуковский, милый «певец „Светланы“, автор первых романтических баллад на Руси, светлые поэтические мечтания которого будили столько чистых грез в юношеских сердцах и жизнь которого, несмотря на окружавшие его могучие искушения, была так же прозрачно-чиста, как и его задушевные элегии. Если с именем Лермонтова соединяется представление о бурной, неудовлетворенной мысли, изливавшейся в грозных упреках судьбе и людям, в „стихе, облитом горечью и злостью“, то, наоборот, лира Жуковского звучит кроткими, незлобивыми звуками, мирной, уравновешанной любовью к людям и природе. Если и слышится в звуках этой лиры скорбь, то скорбь не титаническая и бурная, а такая же тихая и меланхолическая, как звуки „эоловой арфы“, воспетой поэтом. В его поэзии нет ни гордых вызовов небу, ни ядовитых проклятий истории: поэт со страниц своих произведений смотрит на нас с кроткой улыбкой. И вы, познакомившись с искренностью певца, чувствуете невольную симпатию к нему за то, что его „сладкие звуки и молитвы“ раздавались в тяжелую пору русской истории, умиляя сердца и возбуждая гуманные чувства тогда, когда кругом все было грубо и страдание в людях дремало.

Василий Андреевич Жуковский был сыном помещика Афанасия Ивановича Бунина и турчанки Сальхи, взятой в плен при штурме крепости Бендеры. Поэт родился 29 января 1783 года в селе Мишенском, в Тульской губернии, в трех верстах от города Белева. Восприемником его был дворянин Андрей Григорьевич Жуковский, живший у богатого Бунина. Он усыновил ребенка и дал ему свое имя.

Тула. Рисунок В.А. Жуковского

Читатель будет прав, если в рассказанном увидит не совсем благоприятное обстоятельство для душевного настроения поэта, и не будет большой ошибкой предположить, что многие элегические ноты поэзии Жуковского обязаны тому факту, что мать его являлась рабыней в доме, ставшем сыну родным. И та глубокая потребность ласковых, задушевных отношений, жившая всю жизнь в сердце поэта, – потребность, выражением которой служили его искренние и трогатель-

ные стихотворения, – являлась естественным следствием того, что в нежном детском возрасте, когда душа просит материнской ласки, свободные проявления сыновнего чувства были стеснены.

Кроме того обстоятельства, что мать Жуковского, пленная турчанка, была рабыней и в присутствии «господ», к числу которых относился и ее собственный сын, не смела садиться, все, казалось, сложилось хорошо для будущего поэта в ранние годы его жизни. Бунин, по рассказам знавших его, был добрый и хороший человек. Жена Бунина, Марья Григорьевна, урожденная Безобразова, кроткая и умная женщина, являлась в окружавшей ее среде сравнительно развитым человеком, что доказывается и тем образованием, которое она сумела дать, несмотря на невыгодные для этого тогдашние условия, своим дочерям и Жуковскому. Сам Бунин, очевидно, тоже не был из породы Митрофанушек – весьма распространенного типа того времени. Достаточно сказать, что единственный горячо любимый сын Буниных учился в университете в Лейпциге, где и умер в 1781 году. Потеря любимого сына, при отсутствии надежды иметь наследника в будущем, явилась причиной того, что Марья Григорьевна привязалась к чужому ей мальчику и перенесла на него те ласки, которые доставались прежде ее собственному сыну.

О появлении Сальхи в доме помещика Бунина существует следующий рассказ. Во время румянцевских походов против турок на войну отправлялись как мещане города Белева, так и крестьяне из вотчин Бунина. Старик сказал в шутку пришедшим к нему проститься перед отправлением на войну крепостным:

– Привезите мне хорошенькую турчанку: жена моя совсем состарилась!

Это было принято всерьез, и к барину привезли двух турчанок, родных сестер, попавших в плен при взятии крепости Бендеры. Муж молоденькой Сальхи был убит при штурме, а сестра ее Фатима умерла вскоре по прибытии в Мишенское. Красивую и ловкую Сальху определили няней к маленьким дочерям Бунина, Варваре и Екатерине, которые и учили ее говорить по-русски.

Хотя жены помещиков привыкали к вольностям своих мужей по части женщин и должны были зачастую безропотно сносить существование при своих властелинах целых гаремов, но все-таки появление в Мишенском хорошенькой турчанки и несомненное расположение, оказываемое ей Афанасием Ивановичем, внесло раздор между супругами, так что старику Бунину пришлось поселиться в соседнем флигеле, где жила Сальха и куда был запрещен вход молодым девицам, дочерям Марьи Григорьевны. Но к чести последней нужно сказать, что она скоро сменила гнев на милость, и когда родился у Сальхи мальчик – будущий поэт, Марья Григорьевна, потерявшая своего единственного сына, привязалась к ребенку. Крестной матерью родившегося была дочь Бунина, впоследствии вышедшая замуж за Юшкова, Варвара Афанасьевна. С дочерьми ее у поэта всю его жизнь существовали близкие дружеские отношения.

Старики помирились. Их, вероятно, снова сблизило появление в доме этого ребенка, на котором они сосредоточили свои ласки и заботы. Маленький Васенька сделался любимцем семьи: его окружили целым штатом прислуги, он стал «господское дитя», в силу уже этого отгороженное стеною даже от своей матери, которая только урывками могла дарить ему свои ласки. Патриархальные нравы не исключали возможности подобных жестких явлений: слишком сильны были кастовые различия, чтобы даже во имя гуманности можно было забыть о

них окончательно. В таких отношениях выражалось (в более, конечно, слабой степени) то же самое чувство, которое проявлялось у браминов, предпочитавших смерть «нечестивому» прикосновению к парию.

Немало было привлекательного и поэтического в старинной помещичьей жизни, в особенности с точки зрения лиц, принадлежавших к этому привилегированному барскому кругу. Самый уже контраст между феодалом-помещиком и покорными ему вассалами-крепостными, которых он был безграничным властелином, представляется интересным и способствовавшим проявлению так называемых «рыцарских чувств» со стороны феодалов. Не всегда, разумеется, видели в таком порядке отраду вассалы; но нельзя отрицать и того, что в частных случаях общий фон картины значительно скрашивали патриархальные отношения между помещиком и крепостными. Со стороны барина эта патриархальность не исключала, однако, возможности применения отеческих мер, а со стороны холопов – примерной преданности и благодарности. Эта преданность являлась весьма естественным последствием той вековой дрессировки, которой подвергалась крестьянская масса и которая порождала явления, вызвавшие горькие слова покойного поэта «мести и печали»:

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказание, —
Тем им милей господа...

Все эти условия помещичьей жизни были налицо и в истории нашего поэта, но в более смягченной форме. Его раннее детство прошло в богатом, огромном барском доме с толпой прислуги и челяди. Были тут и терпеливые няни, вроде знаменитой няни Пушкина, способные положить душу и жизнь свою за питомцев; были и бесшабашные дворовые «лодыри»... Огромный сад шумел своими вековыми деревьями, и, может быть, там, в тени его, неясно созревали те поэтические вдохновения мальчика, которые потом вылились в чудесных стихах. В саду были садки, пруды, оранжереи, теплицы; недалеко росла дубовая роща, по долине бежал ручеек, из дома и сада виднелись луга и нивы, село с церковью, — манили просторные дали... В этой обстановке проходило детство поэта, и впечатлительный мальчик сохранил в душе на всю жизнь воспоминание о колыбели своего детства — взлелеявшей его родине... Кто не помнит этой трогательной дани «родимым полям» хотя бы в следующих стихах:

...Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки, —
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая, —
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Перебирая все те условия, которые с детства питали музу Жуковского и забрасывали в его душу поэтические семена, давшие впоследствии обильную жатву, нужно остановиться на следующем обстоятельстве. Все детство, отрочество и юность поэт провел среди девочек, со многими из которых у него на всю

жизнь сохранились задушевные отношения. Это были его племянницы, дети дочерей Марьи Григорьевны. Особенно Жуковский был дружен с девочками Юшковыми, из которых одна – впоследствии Анна Петровна Зонтаг – стала известной писательницей. Несколько позже особенная дружба связывала его с Марьей Андреевной Протасовой, к которой поэт питал восторженную привязанность; но роман с нею был неудачен, и это наложило несколько новых элегических штрихов на поэзию Жуковского. Окруженный этими Друзьями, из которых некоторые отличались чуткостью и восторженностью, убаюкиваемый их нежными заботами и попечениями, поэт рано взрастил в себе то отчасти сентиментально-платоническое уважение к женщине, которое было так свойственно и многим героям его баллад и элгий. Это молодое и восторженное женское общество являлось постоянной аудиторией поэта: ей он поверял свои вдохновения, ее одобрение служило для него критической меркой, а восторг, с которым встречались его творения юноши, – наградой. Вся эта ватага молодежи бегала по саду, полям и лугам; среди помянутого общества в разнообразных и живых играх невольно возбуждалось воображение, совершался обмен мыслей и укреплялись симпатичные связи. Стоит прочесть письма поэта к ставшим взрослыми членам этого детского кружка, – письма, исполненные нежной дружбы и, до самой старости Жуковского, какой-то трогательной скромности, – чтоб видеть, насколько сильны у него были связи с друзьями детства, а также и чистую, голубиную душу поэта. Укажем здесь кстати и на то, что упомянутый выше девственный ареопаг с ранних лет направлял Жуковского на путь девственной, целомудренной лирики.

К шестилетнему Васеньке Афанасий Иванович выписал из Москвы «немца», которого вместе с воспитанником поместили во флигеле. Но этот первый опыт учения окончился неудачно. Немец оказался из породы вральманов и считал главными педагогическими пособиями розги, практикуя, кроме того, над воспитанником порою и тяжелую пытку, весьма, впрочем, употребительную в учебном обиходе прошлого: ставил питомца голыми коленями на горох. Но любимец всего дома поднимал страшный крик при применениях этого воспитательного артикула, и «вральмана» быстро убрали. Опыты крестного отца, Андрея Григорьевича, по части привития мальчику учености тоже были не особенно удачны: Васенька вместо букв рисовал грифелем на доске, а также и мелом на полу и стенах разные фигуры и «рожи». Мы упоминаем об этом обстоятельстве с целью указать, что еще в раннем детстве Жуковский обнаружил талант к живописи и впоследствии, как известно, недурно рисовал; его акварели, а также и картины, писанные масляными красками, хранятся у его родственников и друзей.

С этими детскими рисовальными упражнениями поэта связан случай, о котором считаем излишним упомянуть, так как Васенька в нем явился героем, переполошившим всю девичью; этот эпизод, с другой стороны, указывает на религиозность того общества, где провел юношеские годы поэт, что, в свою очередь может служить объяснением искренней религиозности самого Жуковского, не оставлявшей его всю жизнь. Раз пятилетний Васенька, оставшись в девичьей один и усевшись на полу, принялся срисовывать образ Божьей Матери. Никто этого не видал, а сам рисовальщик, сделав рисунок, пошел к Марье Григорьевне. Возвратившиеся служанки с испугом и благоговением смотрели на изображение иконы. Они побежали к барыне и объявили о чуде. Однако Марья Григорьевна,

увидев запачканные мелом руки Васеньки, догадалась, в чем дело, и разрушила иллюзию чудесного.

К этому времени Бунины переселились в Тулу. Там мальчика стали посылать в пансион Роде, а на дом взяли ему репетитора. Однако занятия шли не особенно успешно. Вскоре отец Жуковского скончался (в марте 1791 года), поручив сына заботам жены, которая свято сдержала данное мужу обещание. Считаем нелишним отметить гуманное и честное отношение Марьи Григорьевны к питомцу и его матери-турчанке, что указывает на Бунину как на добрую и симпатичную женщину. Из доставшихся дочерям Марьи Григорьевны средств она отделила у каждой по 2500 рублей, и эти деньги составили капитал Жуковского.

Осенью этого же 1791 года мальчик поступил к Роде полным пансионером, но это его не отрывало от семейного кружка, к которому он привязался: мальчика часто брали домой, а весной все переезжали в деревню, где оставались до осени, наслаждаясь вволю деревенским раздольем.

После пансиона Роде Жуковский учился в народном училище, где, однако, тоже не особенно отличался и откуда был даже исключен за «неспособность». Замечательно, что многие наши писатели, прославившиеся впоследствии как оригинальные мыслители и художники, оказывались, по мнению педагогов, «неспособными» в школе. Вероятно, в этом сказывалось отсутствие интересного в преподававшихся науках, не укладывавшихся в живые души воспитанников, а с другой стороны, – и неспособность педагогов подметить дарования в учениках.

Французским и немецким языками Жуковский занимался Дома, вместе со своими родственницами. Тут и было положено основание тому прекрасному знанию языков, которым впоследствии отличался поэт и которое дало начало его литературной известности.

Дом Юшковых, где жил в отроческие годы Жуковский, считался одним из интеллигентных домов в Туле. Сама Варвара Афанасьевна Юшкова, по отзыву в «Записках» Болотова, была «боярыня молодая, очень умная, любопытная и ласковая». Отличаясь музыкальными дарованиями, она устраивала у себя литературно-музыкальные вечера, где собиралось большое общество; здесь пелись новейшие романсы, читались только что появившиеся произведения тогдашней, правда, убогой, русской литературы и игрались спектакли. Здесь-то, в обстановке, способствовавшей раннему умственному развитию, возникли впервые в душе Жуковского те художественные стремления, которые были так естественны для его изящной природы. Здесь, в доме своей крестной матери, поэт в 12-летнем возрасте выступает уже в качестве драматурга. Он написал пьесу «Камилл, или Освобождение Рима», где взял себе главную роль. Эта пьеса была приготовлена к приезду его приемной матери, Марьи Григорьевны, которая осталась очень довольна выдумкой мальчика. Жуковский удостоился шумного одобрения. В указанном обстоятельстве можно было уже до известной степени видеть предзнаменование дальнейших успехов поэта на литературном поприще.

Самая наружность Жуковского в детстве тоже обещала в нем незаурядного человека. По рассказам знавших его, он был мальчик ловкий и стройный. Из-под черных ресниц блистали умом большие карие глаза, черные брови резко выделялись под большим лбом. Густые, длинные черные волосы вились по плечам. Приятная улыбка, оживленное румянцем лицо, какая-то особенная мечтатель-

ность во взгляде – все это вместе с симпатичным и добродушным характером привлекало к мальчику. Нужно заметить, что все эти качества и впоследствии действовали притягательно на знавших поэта.

Как многие дворяне того времени, Жуковский был приобщен и к военному делу. Еще ребенком он был записан в гусарский полк сержантом, а в 1789 году произведен в прапорщики и даже принят (конечно, на бумаге) в штат генерала Кречетникова младшим адъютантом, что являлось весьма быстрой карьерой для Жуковского, которого, впрочем, вскоре отставили от службы «по прошению», «без награждения чином». Такой странный послужной список миролюбивого поэта не должен удивлять нас по отношению к обильному всякими чудесами тогдашнему времени. Тогда было привилегией дворян записываться в военную службу и повышаться в чинах, иногда до довольно высоких рангов, мирно качаясь в люльке или играя в лошадки под присмотром нянек в детской.

Неудачное учение Жуковского, а также и традиции того времени, считавшие военную службу самой почетной для представителей высшего сословия, заставили родных Жуковского вновь подумать о его уже действительном определении в какой-нибудь полк. В этом взялся помочь знакомый родственников поэта майор Постников. Мальчика одели в мундир и отправили с майором в Петербург. Здесь поэт стал свидетелем зрелища, воспоминание о котором надолго удержалось в его памяти. Ему достали в Зимнем дворце, на хорах, во время большого выхода место, откуда он в первый и последний раз в жизни увидел императрицу Екатерину II и ее блестящий двор. Может быть, к этому моменту, поразившему живое воображение мальчика, относятся строфы из известного стихотворения «Царкосельский лебедь», в котором поэт изображает как бы себя:

Но не сетуй, старец, прашур Лебединый,
Ты родился в славный век Екатерины!

Но Жуковскому не пришлось быть военным на этот раз: воцарившийся вскоре Павел I, как известно, отменил прием в войска малолетних. Мальчик пробыл с Постниковым в Кексгольме, среди военных, два месяца и затем вернулся в Тулу. Все-таки за время этой поездки с майором ему привелось наблюдать несколько любопытных военных эпизодов; так, он видел «бога войны» Суворова, которого встречали пушечной пальбой с бастионов крепости.

Наконец после этого неудачного опыта попасть в военные, – совсем неподходящее назначение для мирного любимца «муз и граций», – Жуковского определили в 1797 году в Москву, в Благородный университетский пансион, бывший привилегированным заведением для тех дворян, которые не считали образование лишним бременем для представителей высшего сословия. Это заведение при старейшем русском университете дало, как известно, для того бедного образованными людьми времени более или менее известных деятелей. В жизни Жуковского оно имело важное значение. Вопросы, таившиеся в талантливой натуре отрока, могли найти здесь, при общении с товарищами, при слушании курса наук, среди интеллигентного общества, желаемые ответы. С этим поступлением в Благородный пансион началась новая полоса в жизни поэта. Но эта новая полоса не изгладилась в душе старых впечатлений. Ранний период жизни Жуковского, среди раздолья природы, среди милых сердцу детей, «златые игры» с которыми, при свойственной мальчику мягкости и сердечности, – были так ему дороги и светлое воспоминание о которых сохранилось на всю жизнь, – оставил неиз-